

На правах рукописи

Никулина Надежда Александровна

**МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА-ЭССЕ
Д.С.МЕРЕЖКОВСКОГО «ИИСУС НЕИЗВЕСТНЫЙ»**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Тюмень – 2002

Работа выполнена на кафедре русской литературы Тюменского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Дворцова Наталья Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Барковская Нина Владимировна
доктор филологических наук,
профессор
Казаркин Александр Петрович

Ведущая организация: **Пермский государственный университет**

Защита состоится «__» _____ 2002 года в _____ часов на заседании диссертационного совета К 212. 274. 02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу (625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан «__» _____ 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Л.А.Вараксин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Книга Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный», впервые изданная в России в журнальном варианте в 1992-1993 годах без авторских комментариев (в 1996 году публикуется в полном объеме по белградскому изданию 1932 года), видимо, одно из самых «неизвестных» произведений писателя. Мережковский завершает ею одну из своих трилогий, первые две части которой – «Тайна трех: Египет и Вавилон» (1925), «Тайна Запада: Атлантида – Европа» (1930). Приступая к исследованию «Иисуса Неизвестного», автор диссертации имеет спорные текстологические сведения о дате первой публикации книги и типе издания, а также противоречивые высказывания критиков и исследователей о жанре этого произведения, так и не ставшего за семь десятилетий своего существования предметом специального и целостного литературоведческого исследования.

В первых рецензиях на книгу Г.Адамовича, Б.Вышеславцева, С.Безобразова (Кассиана), И.Ильина, Б.Зайцева, Б.Поплавского, Ю.Терапиано и др. общей тенденцией станет восприятие «Иисуса Неизвестного» как «главной» книги Мережковского, открывающей новые перспективы в интерпретации творческого пути писателя, его философско-религиозных исканий. Традиция трактовать смысл этого произведения преимущественно в плоскости определения духовно-религиозных констант личности художника закрепится и в последующих работах о Мережковском (В.Рудич, А.Н.Николюкин, В.Н.Жуков, В.Д.Цыбин и др.).

В современной науке роман-эссе «Иисус Неизвестный» рассматривается исследователями как литературный материал, перспективность освоения которого очевидна, но при этом произведение продолжает оставаться одной из самых «непрочитанных» книг художника. В последние десятилетия предметом внимания литературоведов (Н.В.Барковская, Е.Г.Белоусова, Т.В.Воронцова, С.П.Ильев, В.А.Колобаева, Е.К.Созина, Л.Н.Флорова и др.) стали такие принципы романного мышления писателя, как циклизация, универсализм, зеркальность, бинарность, а также лейтмотивность. Изучению принципов поэтики Мережковского посвящена и эта работа.

Диссертантом предпринимается попытка прочтения романа-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный» с точки зрения своеобразия его поэтики, в частности мотивной организации текста. Незнанием этого романа как явления художественного и необходимостью

включения его в сферу активного научного поиска определяются тема, цель, актуальность и новизна настоящей работы.

Предметом исследования в диссертации является мотивная структура романа-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный».

Главный **объект** (материал) **исследования** - роман-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный». В область исследования не вошли две первые книги трилогии – «Тайна трёх: Египет и Вавилон» и «Тайна Запада: Атлантида – Европа», поскольку автора диссертации интересует не идейное единство произведений писателя, а своеобразие его поэтики. Диссертант опирается на сложившуюся в критике и литературоведении традицию осмысления произведения «Иисус Неизвестный» как итоговой книги писателя и как самостоятельного текста.

Кроме того, выбор материала обусловлен техникой мотивного анализа (Б.Гаспаров) с привлечением (посредством ассоциаций и на основании мотивных и тематических созвучий) в область изучения литературного произведения культурных текстов, интерпретация которых может способствовать описанию неявных смысловых уровней основного литературного материала. Поэтому в объект исследования включены такие художественные тексты, как «Легенда о Великом инквизиторе» (глава из романа Ф.Достоевского «Братья Карамазовы»), повесть Л.Андреева «Иуда Искариот» и роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Выбор именно этих текстов, субъективный характер которого очевиден, объясняется тем, что во всех этих произведениях представлена литературная версия жизни Иисуса Христа. Кроме того, этот ряд составляют произведения из разных культурных эпох, из различных духовных ситуаций (1887г.- 1907г.; 1929-1940г.), каждая из которых отразилась в жизненном и творческом опыте Мережковского и может помочь в описании мотивной структуры его произведения. Из обширного опыта научных и богословских интерпретаций Евангелия в область наблюдений вошли такие книги, как «Жизнь Иисуса» Д.Штрауса, «Жизнь Иисуса» Э.Ренана, «Жизнь Иисуса» Ф.Мориака. Включение этих текстов в контекст нашего исследования продиктовано тем, что авторы этих книг о жизни Иисуса, каждый по-своему интерпретируя смысл Писания, соприкасались с образом Спасителя и сюжетом Его жизни.

Теоретико-методологическая основа диссертации.

Формируя собственный исследовательский инструментарий, диссертант учитывает разнообразный по целям и принципам опыт работы с категорией мотива. В основу представ-

лений о категории и её методологических возможностях положены идеи и приемы ученых разных научных школ: А.Н.Веселовского, В.Я.Проппа, Б.В.Томашевского, А.И.Белецкого, В.Б.Шкловского, А.П.Скафтымова, Ю.М.Лотмана, Б.М.Гаспарова, А.К.Жолковского, В.И.Тюпы, Е.К.Ромадановской, И.В.Силантьева и др.

Обобщая отечественный опыт интерпретации и анализа литературных произведений через категорию мотива, признаками мотива диссертант считает повторяемость, вариативность, повышенную семантическую значимость. Анализируя не только мотивный состав, но собственно мотивную структуру текста, автор работы исследует принципы взаимодействия мотивных значений в ткани произведения. В интерпретации отдельных повествовательных элементов и мотивных связей опирается на опыт культурологических описаний, представленный в трудах С.С.Аверинцева, Ю.М.Лотмана, В.Н.Топорова, Б.М.Гаспарова.

Такое изучение законов мотивной организации произведения, по мнению диссертанта, максимально отвечает цели работы – научному освоению материала, который ранее целостно с точки зрения поэтики практически не изучался. В то же время выбор научного инструментария продиктован спецификой литературного материала, приметой которого является демонстративная лейтмотивность повествования.

Кроме того, значимыми для диссертанта являются идеи отечественных и зарубежных исследователей, связанные с изучением поэтики романного творчества Д.С.Мережковского и мотивного состава его произведений (З.Г.Минц, В.А.Колобаева, Н.В.Барковская, С.П.Ильев, Е.К.Созина, Е.Г.Белюсова, А.В.Чепкасов, а так же Т.Пахмусс, В.Злобин, Б.Д.Розенталь, М.Слоним, С.Бедфорд и др.). В процессе формирования концептуальных положений работы автор диссертации опирался на критические высказывания о книге Мережковского «Иисус Неизвестный» М.Алданова, С.Безобразова (Кассиан), Б.Вышеславцева, Б.Поплавского, Ю.Терапиано, Б.Зайцева и др.

Цель исследования – изучение принципов организации мотивного уровня романа-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный» с установкой на интерпретацию его смысла.

Исходя из цели, формулируются следующие **задачи исследования**:

1) сформировать категориальный аппарат анализа и интерпретации произведения через категорию мотива;

2) описать мотивную структуру текста, характеризуя семантику мотивов и механизмы их сцепления друг с другом;

3) выявить принципы организации мотивной структуры, определяя тем самым особенности поэтики произведения;

4) включить в мотивный анализ произведения литературный и культурный контекст и увидеть его в системе возможных интертекстуальных отношений, демонстрируя полноту смысла его мотивной структуры.

В качестве **научной гипотезы** предлагаются следующие положения:

1. В романе-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный» предметом изображения становятся жизнь Иисуса (сюжет жизни Иисуса), духовный путь художника (сюжет жизни героя-повествователя) и история воплощений Тайны Бога в культуре. Соответственно, в мотивной организации этого текста различаемы три основных комплекса:
 - мотивный комплекс сюжета жизни Иисуса Неизвестного;
 - комплекс мотивов, условно обозначенный диссертантом как «герменевтический», обоснованный ситуацией постижения Неизвестного, разгадывания, узнавания и одновременно самопознания и творчества;
 - комплекс мотивов, обусловленный семантикой мотива книги.
2. В структуре мотивного комплекса книги, организованного мотивами отражения, зеркала, двойничества, света, слова, молчания, тишины, земли как книги, выражается представление писателя о том, что тайна жизни Бога последовательно воплощается в культуре, в Книге.
3. Сюжет жизни героя Иисуса представлен в романе-эссе как история богоявления в перспективах «внешнего» (известного) сюжета жизни Иисуса Христа и «внутреннего» (неизвестного) сюжета жизни Иисуса Неизвестного. Организованный мотивами чуда, света, загадки, тайны, молчания/тишины, зеркала, двойничества, творчества, мотивный комплекс сюжета жизни Иисуса Неизвестного осуществляется одновременно в ряде фрагментов текста, специально обозначенных автором как «Апокриф» и одновременно в масштабах всего произведения
4. В перспективе «герменевтического» комплекса мотивов, представленного в произведении мотивами чтения, знания, памяти, привычки/удивления, опыта/догмата, страха/радости,

сердца, ребенка, загадки, тайны, света, святости, воплощается сюжет жизни героя-повествователя - сюжет богопознания.

5. Контекст позволяет уточнить семантику мотива книги в романе Мережковского как книги о книге (прозы о прозе, литературы о литературе), а также как «книги для всех и для каждого». Выход в контекст позволяет определить поэтику отражений Мережковского в «Иисусе Неизвестном» как универсальный прием художественного воссоздания образа Иисуса Христа и сюжета Его жизни.

Основные результаты исследования, обладающие научной новизной:

1. В диссертации впервые целостно исследуется роман-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный» с точки зрения особенностей его поэтики.
2. В работе впервые описаны мотивный «состав», семантика основных мотивов, трехуровневая мотивная структура произведения Мережковского.
3. Поэтика отражений - такое наименование получает в диссертационном исследовании принцип, определяющий мотивную организацию произведения с установленной системой отражений между книгой и жизнью Иисуса Неизвестного, сюжетом его жизни и сюжетом жизни героя-повествователя, где именно мотив, определяя созвучие и многоголосие различных уровней повествования, является главным инструментом художника в осуществлении творческого замысла.
4. В соответствии с техникой мотивного анализа предложен и обоснован культурный контекст изучения мотивной структуры книги Мережковского, представленный не только художественными текстами (Ф.Достоевский, Л.Андреев, М.Булгаков), но и научными, богословскими жизнеописаниями Иисуса Христа (Д.Штраус, Э.Ренан, Ф.Мориак). Характеризуя опыт Мережковского в связи с известными в культуре интерпретациями евангельского сюжета, диссертант осуществляет описание мотивной структуры романа-эссе, уточняя семантику и функциональные возможности основных мотивных образований.

Практическая значимость диссертации. Результаты исследования могут быть использованы в вузовском и школьном преподавании русской литературы XX века, при разработке общих и специальных курсов по истории литературы.

Апробация работы состоялась на межвузовских научно-практических конференциях «Традиция: культура, образование» (Тюмень, 1995), «Духовные истоки современной письмен-

ной культуры» (Тюмень, 1999), «Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры» (Тюмень, 2000), всероссийской конференции «Культура. Искусство. Наука» (Тюмень, 2000). Основные положения диссертации освещены в шести публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 302 наименования.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении даётся обзор работ и высказываний о романе-эссе «Иисус Неизвестный», определяются степень актуальности, новизна исследования, основные положения, выносимые на защиту, и мотивируется подход к произведению через исследование его мотивной структуры.

В первой главе «*Мотив и мотивный анализ как теоретическая проблема*» целью диссертанта является не описание процесса развития теории мотива в отечественном литературоведении, а исследование «описательных» возможностей этой категории. Ориентируясь на опыт интерпретации повествовательных текстов через категорию мотив, автор анализирует сферы функционирования категории: специфику материала, изучаемого с точки зрения мотивной организации, цели и задачи исследователя в работе с категорией.

В результате обобщения отечественного опыта исследований литературных произведений через категорию мотив (А.Н.Веселовский, В.Я.Пропп, Б.В.Томашевский, А.И.Белецкий, В.Б.Шкловский, А.С.Скафтымов, Ю.М.Лютман, Б.М.Гаспаров, А.К.Жолковский, В.И.Тюпа, И.В.Силантьев и др.), основанием исследовательского инструментария становятся следующие положения:

- Признаком мотива является его повторяемость и, как следствие, повышенная семантическая значимость. Именно последовательный текстовой «функционально-семантический» (В.И.Тюпа) повтор позволяет считать элементы текста мотивами.
- В роли мотива может выступать любое смысловое «пятно», то есть, любой элемент текста на уровне героя, сюжета, предметно-вещного мира и т.д. (Б.М.Гаспаров). В границах отдельного произведения мотивы комбинируются, образуя «комплексы», «узлы» (основанием для возникновения такого «узла» может быть персонаж, его пространственно-временные границы, его действия, события его жизни).

- В тексте мотивы соотносятся друг с другом, образуя мотивную структуру произведения. Семантическое наполнение мотива обусловлено соотношением его вариантов и комбинациями с другими мотивами.
- Последовательная семантическая повторяемость ряда феноменов в границах отдельного текста позволяет говорить о приеме лейтмотивности как особенности поэтики конкретного произведения, а если подобного рода явления наблюдаются в нескольких произведениях писателя, то речь может идти об особенностях поэтики писателя в целом.
- Мотив как единица текста существует в перспективе преодоления границ между текстом и контекстом в процессе смыслового взаимодействия явлений культуры. Включение «внешней информации» в исследуемый текст не является препятствием для изучения его структуры, а напротив, может способствовать выявлению скрытых от исследователя мотивных соотношений. По наблюдениям диссертанта, мотивный анализ как подход к исследованию литературного произведения оформляется на пересечении двух тенденций:
 - описания мотивной структуры произведения (В.Я.Пропп, Б.В.Томашевский, Ю.М.Лотман);
 - в контексте других явлений культуры, за пределами исследуемого произведения (А.Н.Веселовский, А.И.Белецкий, В.Б.Шкловский, А.П.Скафтымов, А.К.Жолковский, В.И.Тюпа).
- В литературоведческом опыте Б.М.Гаспарова обе эти тенденции объединились. В настоящем исследовании, хотя автор во многом следует практике мотивного анализа Б.М.Гаспарова, делается акцент на описании именно мотивной структуры произведения. Границы текста здесь не столь открыты перед культурным и литературным контекстом, как это наблюдается у Гаспарова. Кроме того, выбор контекста аргументируется не только ассоциативной техникой мотивного анализа, но и особенностями мотивной структуры основного текста.
- Изучая мотивную структуру произведения, автор работы исходит из того, что каждый мотив обладает устойчивым набором значений, отчасти заложенных в нем генетически, явившихся в процессе долгой литературной истории, и одновременно есть оригинальное образование, результат взаимодействия образов и мотивов в ткани конкретного текста.

Вторая глава «*Структура и семантика мотива книги в романе-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный»* посвящена описанию мотивного комплекса книги.

Внетекстовым источником в интерпретации мотива книги в произведении Мережковского является, по мнению диссертанта, установившаяся к XX веку традиция относиться к книге как важнейшему атрибуту духовной жизни человечества. Сущность книги связана с тайной, таинством и одновременно с бытием вещей¹.

Важными составляющими в семантике **мотива книги** в «Иисусе Неизвестном» становятся высказывания автора романа об особом статусе Евангелия как книги: Евангелие способно расти и изменяться, подобно всему живому на земле. Поэтому и мотив книги в произведении Мережковского осуществляется как многокнижие, многоголосие двухтысячелетней человеческой культуры. Характеризуя структуру мотива в перспективе отношения книги и тайны, автор диссертации наблюдает в романе следующее разграничение: *Евангелие как «богослужебная книга»*; *«Неизвестное Евангелие»*; *«Утаенное Евангелие»*; *«Женское Евангелие»*, *«Евангелие от Иисуса»*, *земное Евангелие (земля как книга)*. Кроме того, «*Евангелием от Пилата*» называет художник труд Э Ренана «*Жизнь Иисуса*».

Каждое из Евангелий трактуется художником широко, семантику мотива книги как многосоставного единства определяют все известные в культуре высказывания о Христе и Евангелии: канонические Евангелия, апокрифы, аграфы, свидетельства, надписи, сочинения отцов Восточной и Западной церкви, богословов, критиков, историков, философов, писателей и поэтов. Цитатность является характерной приметой текста Мережковского. Десятки книг «встретились» в произведении в многокнижном опыте постижения тайны земной жизни Иисуса Христа. В романе даются ссылки на авторитетный опыт Серафима Саровского, Макария Великого, Афанасия Великого, св. Поликарпа Мученика, Афанасия Сирийского, Серапиона Антиохийского, Иоанна Дамаскина, бл. Августина, Франциска Ассизского. Цитируются «Воспоминания апостолов» Юстина Мученика, труды Маркиона и Климента Александрийского, свидетельства Иосифа Флавия, высказывания Д.Штрауса, Э.Ренана и других критиков. В поисках Иисуса Неизвестного герой-повествователь обращается к книгам Ф.М.Достоевского, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Гераклита, Оригена, Гегезиппы, Платона, Аристотеля, Гомера, Еврипида, Ф.Аквинского, Б.Спинозы, А.Данте, Б.Паскаля, И.-В.Гете, Ф.В.Шеллинга, А.Бергсона,

Ф.Ницше, В.В.Розанова и др. Многие свидетельства обозначаются в произведении как «утаенные Евангелия», как сокровенный опыт постижения тайны Бога на земле. «Утаенным Евангелием» названы в произведении фрагменты, в которых художник предлагает свою историю жизни Иисуса Неизвестного.

Концептуально значим для понимания структуры всего комплекса мотив земли как книги. «*Земная книга*» является неперенным условием для постижения тайны земной жизни Иисуса. Цветок, цвет, дом, озеро, колодец становятся в повествовании приметами богоявления и представляют одну из самых «нечитаемых» книг, в которой отразилось чудо земной жизни Господа.

В процессе анализа диссертант сталкивается не просто с многокнижным опытом жизнеописаний Иисуса Христа, но с процессом создания произведения-книги об Иисусе Неизвестном. При этом текст Мережковского, включаясь в систему многокнижия, приобретает особый статус в самой попытке собрать многоголосие свидетельств в один «живой неумолкающий голос».

Как наблюдает автор диссертации, между всеми Евангелиями в повествовании устанавливается связь через **мотивы света** (свеча, огонь, расплавленный металл), **святости**. Цитируемые художником высказывания характеризуются через образы света и свечи, а весь многокнижный опыт представлен здесь как стремление к свету, солнцу - Христу, как движение от свечи к солнцу.

Мотив книги, звучащий в ряде вариантов как «живой неумолкающий голос», продолжается в **мотивах слова, звука, молчания, тишины**. По мнению диссертанта, в произведении Мережковского важна семантика и устного, и письменного слова, но основу мотива составляет формула «по ту сторону слов», «по ту сторону Евангелия». Сопоставляя апокрифы, аграфы с каноническими текстами Писания, художник пытается «сердцем» выбрать среди нескольких вариантов самое «живое слово» – таков его путь к своему герою.

Значимым для понимания мотива слова в тексте становится противопоставление слова молчанию как внешнего опыта внутреннему, зримого образа - его «глубине». Семантическое продолжение молчания (безмолвия) - мотив тишины. Противопоставлен мотиву молчания и обусловлен мотивом слова мотивный ряд, начинающийся в слове звучащем, продолжающийся

¹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. - М., 1991. - С.189.

в звуке, аккорде, «шуме моря», а затем мелодии и музыке. Одновременно в системе образов моря и раковины оформляется граница между жизнью и книгой.

Среди источников звучащего слова в произведении как мотивы оформляются в своей повторяемости названия музыкальных инструментов. Арфа, флейта и свирель – источники звука и образы бытия вещей, через которые божественное слово является в сердце человека. Мотив слова и связанные с ним мотивы молчания, тишины, звука, аккорда, музыки осуществляются в многообразии своих вариантов при актуальности позиций говорящего и слушающего, источника и адресата в ориентации повествователя на «живое слово». В системе мотивных вариантов осуществляется связь между явлениями различного порядка: между вечным и земным, между книгой и жизнью, между жизнью Иисуса Неизвестного и жизнью героя-повествователя.

Мотив зеркала, зеркальности – один из самых исследуемых в поэтике Д.С.Мережковского – в этой книге писателя становится важнейшим структурообразующим элементом текста. В соответствии с принципом отражения строится само бытие книги. Книга по отношению к таинственной жизни Спасителя становится её отражением, но при этом не является книгой о жизни Христа, а есть «сама эта жизнь». Читающий и пишущий книгу причастен к этой зеркальности, но он, прежде всего, обретает в книге и слове сердечную причастность к жизни Неизвестного. Кроме того, зеркало открывает перспективу зазеркалья. Этот семантический вариант мотива сопровождается повторяющейся установкой повествователя взглянуть «по ту сторону» явлений, «по ту сторону» Евангелия, в отражении разглядеть тайное, сокрытое.

Из установки «увидеть Иисуса Неизвестного» возникает **мотив тени**. По логике автора, знать, что Иисус действительно был, – значит видеть Его, но ложный опыт чтения Евангелия способен обратить в тень Его присутствие в мире. Вместе с тем в тексте существуют указания на связь тени с солнцем, где солнце есть условие для тени, подобно тому, как истина есть условие для ошибки, условие для двойника. «Отражение», «призраку», «привидение», «тень», «двойник» – особенностью этих мотивов является актуализация границы между телом и духом, светом и тьмой, жизнью и смертью.

Мотив двойничества включен в мотивный комплекс книги по принципу «точного» и «опрокинутого» (ложного) зеркала. Варианты мотива оформляются в русле характеристик

центральных персонажей произведения: евангелиста Иоанна («два брата-близнеца, с очень похожими лицами»), Марии – матери («то земная раба, то Царица небесная») и Марии Магдалины («другая Мария»). Больше других «двоится» образ Иисуса Неизвестного (девочка, привязанная к ножке кровати, сходство-различие с Иоанном Крестителем), главным «двойником» Его в книге является дьявол. Одновременно в системе раздвоений и отражений (ложных, искаженных и истинных) происходит становление слова героя-повествователя.

Характеризуя мотивный комплекс книги, диссертант считает основой его структуры концептуальную для поэтики произведения идею писателя о воплощении Слова (Логоса) в земном сюжете жизни Спасителя. На основании этой идеи в «Иисусе Неизвестном» устанавливается ситуация особого рода, определяющаяся стремлением художника создать «книгу книг», в которой были бы учтены все известные и возможные высказывания о жизни Иисуса Христа. При этом в соотношениях мотивных вариантов, в связях между мотивами диссертантом прослеживается закономерность: всякий элемент мотивной структуры включается в систему установленных отражений. Эффектом последовательных, разноуровневых отражений компонентов структуры обусловлена особенность поэтики этого мотивного комплекса.

Третья глава «Сюжет жизни Иисуса Неизвестного» состоит из двух параграфов: *3.1. Система мотивов, организующих сюжет жизни Иисуса Неизвестного; 3.2. Сюжетное единство художественного апокрифа Мережковского в романе «Иисус Неизвестный».*

В этой главе предметом исследования становятся мотивные соотношения и принципы мотивных взаимодействий, организующих смысловой центр произведения, каким является герой Иисус Неизвестный. По мнению диссертанта, система мотивов, определяющих сюжет и сам образ Иисуса Неизвестного не однородна, структурно организована в нескольких смысловых плоскостях. Опыт творческого и духовного постижения евангельских событий осуществляется как апокриф художника в масштабах всего произведения Мережковского, и в то же время «художественным апокрифом» могут быть названы такие фрагменты текста, в которых писатель предлагает личный вариант изложения некоторых событий из жизни Иисуса Неизвестного, сопровождая их пометкой «Апокриф».

Через всё произведение звучит установка Мережковского увидеть в евангельском сюжете человеческую жизнь Спасителя, определяются мотивы Его поступков и связь между со-

бытиями Его жизни. Помимо известной по евангельским свидетельствам хронологической последовательности в сюжете жизни Иисуса Христа, с точки зрения диссертанта, устанавливается связь между событиями через **мотивы чуда, радости, света**, через обусловленные семантикой мотивов мотивные отношения (например, свет – солнце, свет – тьма, свет – звезда, свет – огонь). Этими связями и мотивами оформляется *внутренний сюжет жизни Иисуса Христа*, скрытый за известными событиями евангельской истории.

Смысловым стержнем в этих мотивных переплетениях диссертант считает мотив света, поскольку именно свет входит в семантику **мотивов солнца, звезды**, радости. Сюжет жизни Иисуса Неизвестного, отмеченный нарастанием света, в общих мотивных очертаниях представляет собой движение от звезды к солнцу, от малой радости к великой радости. В системе всех сквозных мотивных отношений свет неотделим от своего антипода – тьмы (ночи, мрака). Свет и тьма – противоположности, на границе которых оформляется мотивный ряд **тьма – призрак – двойник**.

Мотивами солнца, света обозначены чудеса Иисуса (мотив чуда), кроме того, они связаны с **мотивами удивления и страха/радости**, двойничества и огня. Собственно мотив чуда, осуществляясь в системе вариантов, становится важнейшим атрибутом событий в сюжете жизни героя Иисуса Неизвестного. Логика автора достаточно проста: то, что свершалось на земле, и живыми свидетелями чего являлись многие люди, не есть чудо в полной мере. Более того, для него «единственное чудо – Он сам» (Иисус Христос), а остальные чудеса – вопрос веры в Него. Мотив чуда в повествовании связан с опытом богопознания: каждое чудесное событие – это миг явления Иисуса миру, в котором «открывается иная действительность, большая, чем та, в которой мы живем».

Все эти мотивы дают писателю возможность отыскать значимые «точки» в жизни героя, выстроить их в «линию» и разглядеть в свидетельствах о Нем события земной жизни Иисуса Неизвестного.

По мнению диссертанта, принципиально не заверченный и потому не обозримый в перспективе всего произведения Мережковского, сюжет жизни героя Иисуса Неизвестного в границах «художественного апокрифа» предстает перед читателем как сюжет богоявления. Эпизоды, составляющие «художественный апокриф» (их десять: «два маленьких Апокрифа» о Благовещении и Рождестве; апокриф о Пастушке; апокриф с девочкой-двойником, явившейся

Мирьям; небольшой апокриф о пребывании Иисуса в назаретской синагоге; два апокрифа о Крещении; апокриф об Искушении; стихотворный апокриф; апокриф о Царстве Божием), сюжетно связаны между собой. Доказательством тому являются не только характерные обороты, указывающие на продолжение одного фрагмента другим, но и особенности их мотивной организации.

В работе (*второй параграф главы*) предлагается мотивный анализ эпизодов, представляющих «художественный апокриф». По мнению диссертанта, в масштабах сюжетного оформления земной жизни Иисуса Неизвестного все его эпизоды выстраиваются в целостное высказывание о постижении Тайны Бога. Причастность к этой тайне дана в облике Мирьям, затем в тайном слове Благой Вести о рождении сына - Спасителя, эту Тайну узнают дети, цветы и животные, причастны к ней пастухи, первые из людей, заметившие на небе Рождественскую звезду, наконец, сам герой Пастушок открывает в своем сердце тайну земного воплощения Сына Божьего. В Крещении, в момент встречи Иисуса с Иоанном Крестителем, почти приближается к этой тайне человечество, поскольку люди уже знают о Нем и ищут в толпе лицо Иисуса Неизвестного. На границе света и тьмы, жизни и смерти осуществляется сюжет жизни героя, через который открываются миру тайны самого Бога. Соблазн смерти, соблазн двойника – атрибуты все того же события богоявления. А дальше сюжет стремительно развивается от страха смерти к чуду с хлебами, от чуда к Царству Божьему.

Четвертая глава *«Герменевтический» комплекс мотивов в «Иисусе Неизвестном» Д.С.Мережковского»* посвящена описанию мотивного комплекса, смысловым центром которого является герой-повествователь.

Основанием комплекса становится **мотив «чтения книги»**. В тексте отчетливо прослеживается связь мотива чтения Евангелия с мотивами, которыми обусловлен процесс чтения.

Во-первых, чтение представляется герою-повествователю как выбор между опытом и догматом (полярные мотивы опыта и догмата). В свою очередь, в «опыте» открывается семантика мотива памяти с выходом к мотиву сердца.

Во-вторых, чтение есть познание. При этом мотив знания (познания), представляя многоуровневый процесс, в структуре комплекса связан с мотивами «привычки/удивления», стра-

ха/радости, сердца, ребенка, творчества, чуда и света, а также загадки и тайны.

В-третьих, чтение является условием для встречи. Мотив встречи связан с мотивами сердца, опыта, удивления, ребенка, художника, света и Святости. В системе этих мотивов осуществляется связь между мотивами чтения и письма («письмо в разлуке»).

Процесс чтения Евангелия принципиально не завершён и приравнивается Мережковским к жизни одного человека (героя-повествователя) и одновременно всего человечества. Однако чтение стало основанием для привычки (противоположность **привычки - удивление**), которая является препятствием для сближения жизни и чтения, Книги и мира. Намеченный разрыв настолько велик, что писатель вынужден констатировать ситуацию близости Конца. Процесс чтения приблизил героя-повествователя к критической точке сюжета его жизни, определил актуальность выбора между «этим миром» и Книгой, между опытом и догматом.

Опыт и догмат - это «герменевтические» мотивы, определяющие условия сочетаемости других мотивов комплекса. Перенести догмат в живой опыт – необходимое условие для чтения Евангелия. Если догмат есть закон, привычка, неживое знание, то именно в опыте предельно сближаются жизнь героя-повествователя и процесс чтения Евангелия.

Слух, зрение, осязание, «вкушение» - составляющие чувственного и сверхчувственного опыта всякого человека - определяют установки героя-повествователя на достижение герменевтических задач. «Увидеть», «заглянуть», «услышать» и, напротив, быть слепым, глухим, окаменеть сердцем – атрибуты пути художника в произведении.

Мотив памяти осуществляется в повествовании и как «чувство», естественное для человеческой природы, и как принцип связи между событиями прошлого, настоящего и будущего. Автор отличает «память глаза», «память слуха», «память вкуса», «память сердца» и «память ума» (в семантике противопоставлений ума и сердца).

Мотив знания входит в группу мотивов, организующих процесс «чтения Евангелия», и обозначает, прежде всего, тип рационального постижения истины. Вместе с тем он вырастает до масштабов сложнейшего символа, является многоуровневым, поскольку жизнь Христа не может быть предметом обычного знания.

Диссертант фиксирует мотивные варианты, в которых знание предстаёт как повседневный, практический опыт человека в освоении явлений внешнего мира; как научный опыт (в русле этого знания герой-повествователь сопоставляет свидетельства и факты, анализирует их,

дает переводы слов, выступая как историк и лингвист) и как высшее познание (гнозис), к которому герой стремится. В этом предельном значении знание тождественно любви. Среди тех, кому доступен этот тип знания, писатель назовет апостола Павла и Франциска Ассизского.

Процесс познания включает в себя у Мережковского ряд составляющих: всё начинается с удивления (мотив привычки-удивления), человек фиксирует противоречия, загадки (мотивы загадки, ключа), разгадывает их на основании повседневного опыта и научного знания, приближается к мудрости (мотив сердца), которой открываются тайны (мотив тайны), а дальше начинается опыт или ребенка (мотив ребенка), или художника (мотив творчества). Мотив знания оформляется как предмет рефлексии художника, поскольку знание по своей природе амбивалентно, способно приблизить к чуду и отдалить от него.

В процессе интерпретации, в момент соприкосновения с тайной, открывается перед героем-повествователем двойная перспектива событий евангельской истории. Постичь тайну означает проникнуть в сокрытый смысл явлений. В романе-эссе Мережковского эта двойная перспектива обозначается полярными понятиями мистерия и история.

Мистерия и история в тексте трактуются как «две меры – два мира», как внешний и внутренний опыт, происходящее в вечности и происходившее во времени. В процессе чтения герой-повествователь отличает события, происходящие на границе мистерии и истории: совершаясь в мистерии, они не явились в истории. В его инструментарии появляются математические понятия, такие, как линия и точка, где линия соотносима с сюжетом жизни, а точка есть составное звено этого сюжета.

Герой-повествователь последовательно вводит в речь не только такие понятия, как «геометрия», «линия», «точка», «система координат», но и включает их в описание самых абстрактных явлений и величин. Подобное сочетание рационального знания и иррационального проникновения в текст – приметы пути героя-повествователя, его сюжета.

Диссертант считает, что герой-повествователь не только стремится осуществить поставленную в начале книги творческую задачу, но и продемонстрировать путь её достижения. В то же время он не просто включает в процесс своих поисков личный опыт, а сюжет его жизни обусловлен этим поиском, отсюда и незавершенность, открытость его слова.

Сюжет героя-повествователя строится в системе «герменевтического» комплекса мотивов на границе между рациональным и иррациональным как история жизни художника, вклю-

чающая путь самопознания и процесс познания, где мотив письма является событием в сюжетном оформлении его жизни. Не только чтение, но и **письмо**, входящее в герменевтический инструментарий повествователя, есть повторяющийся и значимый мотив книги Д.С.Мережковского. Характерно, что герой-повествователь не «пишет», а «записывает» то, что «пишется в сердце». В этом уточнении, принципиально для него значимом, можно расслышать, с одной стороны, акцент на приоритетности самого явления слова в его сердце перед фактом письма; с другой стороны, констатацию чудесного соприкосновения с тайной («пишется в сердце»), «невольной», «тайной»), светом.

Герой-повествователь, разгадывая жизнь Иисуса, соприкасаясь с тайной, в сюжете собственной жизни находит ряд световых мотивов: как путь от свечи к Свету дан в тексте процесс чтения и письма. Именно письмо-таинство закрепляется в повествовании как атрибут фигуры художника. По Мережковскому, истинный художник причастен к мистерии, в минуты открытия он не только может обладать пророческим даром, но и проникать в тайны жизни, открывая их людям в цвете и слове. Соответственно, в сюжете жизни героя-повествователя проглядывает это стремление оказаться в мистерии, приблизиться к Нему до самой возможной близости.

Мотив встречи – это своеобразное мистериальное отражение «герменевтической» установки героя-повествователя в перспективе сюжета его жизни. Сквозной мотив книги «увидеть Его» завершается последним цитированием Евангелия: «вот Я с вами во все дни до скончания века. Аминь». От Книги к Встрече – скрытая перспектива повествования о жизни Иисуса Неизвестного.

Обозначая собственные художественные фрагменты о жизни Иисуса Неизвестного как «апокрифы», Мережковский пытается вписать собственный опыт письма в предшествующий опыт ожидания встречи. Писать книгу и читать книгу – два различных стремления, объединенные здесь событием встречи, эстетическими и духовно-религиозными установками повествователя-художника.

Пятая глава диссертации *«Книга о жизни Иисуса Неизвестного в контексте «критических» и литературных отражений евангельского сюжета»* состоит из двух параграфов: 5.1. *Научный и богословский опыт жизнеописаний Иисуса Христа и мотив книги в романе Д.С.Мережковского;* 5.2. *Принципы и приемы изображения Иисуса Христа и сюжета Его*

жизни в литературном опыте русских писателей (Достоевский, Л.Андреев, Булгаков).

В первом параграфе в область исследования были включены только те тексты, научные и богословские, в которых осуществляется описание жизни Иисуса в соответствии с обозначенной формулой «жизнь Иисуса» («Жизнь Иисуса» Д.Штрауса, «Жизнь Иисуса» Э.Ренана, «Жизнь Иисуса» Ф.Мориака).

Такой контекст позволил уточнить семантику мотива книги у Мережковского: трактовать его как *мотив книги о книге* (текста о тексте, литературы о литературе и т.д.). В соответствии с методикой мотивного анализа диссертант определил ряд особенностей, характерных для текстов Штрауса, Ренана и Мориака. По его мнению, авторы этих текстов с разной степенью последовательности характеризуют тот смысловой поток, в котором их собственный голос придает теме новое звучание. Ф.Штраус анализирует приемы работы известных ему критиков с евангельскими повествованиями, доказывает новизну собственного подхода к евангельским текстам. Ренан почти не цитирует, но неоднократно демонстрирует собственную причастность к известным уже попыткам уловить истинный смысл евангельских повествований. По мнению Мориака, актуальность «чужого» опыта чтения Евангелия определяется личным опытом веры человека.

У Мережковского, как доказывает автор диссертации, установка на «чужое» слово принципиально иная. В масштабах предлагаемого контекста определяется возможность говорить о семантике мотива книги в романе-эссе «Иисус Неизвестный» в связи с важнейшей, особенно актуальной в XX веке, мировой традицией развернутого включения «чужого» слова в авторский текст, которая возвела цитату в принцип художественного мышления и сделала гипертекст одной из популярных форм литературного творчества.

Кроме того, контекстуальная характеристика позволила внести дополнительные акценты в семантику мотива книги: *как книги для всех и одновременно для каждого*. На этом этапе анализа предметом наблюдения стал характер адресата Мережковского в романе-эссе «Иисус Неизвестный».

Адресат книг Штрауса и Ренана – человек, ориентированный на познание. «Мь» у Штрауса – атрибут научного этикета, методологический уход Ренана от научности проявляется и в его речи («мь» повествователя чередуется с «я»). В книге Ф.Мориака «Жизнь Иисуса» позиция адресата обозначается в соответствии с религиозными представлениями об авторстве

(дар благодати).

По мнению автора диссертации, в романе Мережковского на характер адресата указывают демонстративные переходы повествования от «я» к «мы». Под «мы» подразумевается и человечество, оказавшееся на рубежной точке истории, перед лицом нового откровения, и некое сообщество художника с конкретным читателем. Сюжет чтения Евангелия осуществляется одновременно и в перспективе личной жизни, и в истории человечества. «Мы» повествователя определяется масштабами замысла: «мы» - герой книги, блуждающий «по ту сторону Евангелия» в поисках Иисуса Неизвестного, и все её читатели.

Отмеченная автором диссертации склонность художника воспринимать личный писательский опыт в его причастности к общечеловеческому опыту чтения Евангелия, его стремление оказать влияние на духовный опыт читателя не являются в этом произведении Д.С.Мережковского только результатом «отрицания индивидуального мистического опыта»², а определяются семантикой и структурой мотива книги. Тайна земной жизни Христа обретает плоть в многокнижном опыте чтения и веры. Этим многокнижием определяется незавершенная структура романа, позволяющая и читателю стать его героем.

Во втором параграфе главы изучаются мотивные комплексы книги и сюжета жизни Иисуса Неизвестного в контексте литературных произведений, где Иисус – герой среди других героев, а сюжет его жизни является предметом творческого осмысления.

В романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» выстраивается система «отражений», в которой евангельский сюжет жизни Иисуса Христа преломляется до «поэмки», рассказанной в трактире. Здесь Иисус является персонажем «поэмы» Ивана Карамазова, которая не записана («выдумал и запомнил»), не читается, а декламируется как незаконченный текст и существует в живом диалоге братьев как пересказ и как исповедальное слово одного из героев романа.

Мережковский создает сюжет жизни Иисуса Неизвестного на пересечении подобных отражений - свидетельств земной жизни Спасителя. Как доказывает автор диссертации, Мережковский, вслед за Достоевским, воссоздавая образ Иисуса Христа, использует в произведении мотивы узнавания, встречи, молчания и тайны, выстраивает сюжет этого героя в соответ-

² Бердяев Н.А. Новое христианство (Д.Мережковский) // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х т. – М., 1994. – Т.2. - С.377.

ствии с поэтикой отражений.

Молчание – значимый атрибут этого персонажа, определяемый существованием канонического источника и особой значимостью каждого слова Иисуса. Так, единственно говорящим героем в «Легенде» является инквизитор, его собеседник (Иисус) не произносит ни слова. В романе Мережковского также существует последовательное воплощение мотива молчания (тишины) вокруг смыслового центра – Иисуса Тишайшего, «тихий, неумолкающий голос» которого звучит в сердцах верующих.

И у Достоевского, и у Мережковского молчание связано с тайной и ожиданием ответа (мотив встречи). Молчаливый поцелуй узника, а затем Алеши – ответ любящего сердца, который слышат и инквизитор, и Иван Карамазов. Герой-повествователь у Мережковского ждет ответа, пытаясь угадать в молчании, тишине тайну жизни Неизвестного и сюжет собственной жизни.

В «Иисусе Неизвестном» Мережковского и в «Легенде» Достоевского текст (книга, рассказ) реализуется как возможность для существования сюжета жизни Спасителя в многообразии перспектив, отражений (свидетельств, книг, жизней).

Рассказ об одном из учеников Иисуса (Иуде) «Иуда Искариот» – единственное произведение Л.Андреева, где среди персонажей присутствует фигура Иисуса. Противостояние двух центральных персонажей (Иисуса и Иуды) оформляется здесь уже на уровне их портретных характеристик. Облики героев соотносятся по принципу отражения (но кривого: насколько прекрасен Иисус, настолько безобразен Иуда). Это «зеркало» является основанием конфликта, который разрешается в евангельской последовательности распятием Иисуса и самоубийством Иуды. Не одно «зеркало», не два, а система отражений – условие для собирания внешних границ героя и в произведении Мережковского. Внутренний конфликт Иуды в повествовании Андреева обозначен через мотив тишины (молчания): ученику важно, что скажет Учитель, Иуда ждет ответа, который способен разрешить все терзания, но Иисус молчит. Общим в принципах изображения героя Иисуса у Мережковского и Л.Андреева, как считает диссертант, является то, что оба художника пользуются поэтикой отражения, одновременно определяя сюжет этого героя мотивами молчания и тишины.

Анализируя мотивную структуру книги Мережковского с выходом в контекст романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита», автор работы делает акцент на том, что у Булгакова почти

все персонажи каким-то образом связаны с книгой: или пишут, или читают, или критикуют, или являются ее героями. Кроме того, «книги» в романе Булгакова являются «отражениями» жизни Иисуса Христа. Евангельский сюжет составляет основу романа Мастера, поэмы Ивана Бездомного, слова Иешуа записывает в своих письменах Левий Матвей. Маргарита читает роман Мастера и цитирует его по памяти, Воланд возвращает утраченную рукопись, знакомясь с ее содержанием. С образов «писателей» роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» начинается.

Указания на жанровые формы высказываний героев («лекция» Берлиоза, «рассказ» Воланда), по мнению диссертанта, более чем не случайны. В них демонстрируются различные позиции субъектов речи по отношению к изображаемым событиям. Кроме того, вторая глава романа Булгакова с описаниями событий на Лысой горе первоначально дается как рассказ Воланда, а затем открывается авторство Мастера. Принадлежность одного текста двум говорящим становится здесь свидетельством исторической точности описываемых в нем событий. Опираясь на исследовательский опыт Б.М.Гаспарова, автор диссертации анализирует сюжетные линии героев Бездомного, Мастера, Иешуа как проекции евангельского сюжета, делая вывод о том, что книга Мастера и жизнь Ивана Бездомного сюжетно сближаются, отражая жизнь Иешуа.

По мнению диссертанта в опыте М.Булгакова устанавливается сложная по структуре система отражений жизни Иисуса в книгах о нем и в судьбах героев. И Булгаков, и Мережковский опираются на один и тот же прием поэтики (названный поэтикой отражений), показывая, как отразился образ Божий в истории человеческой культуры: в книгах, в «голосах», в судьбах. В этом состоит плавное мотивное созвучие романов Булгакова и Мережковского, за которыми открывается общий для обоих художников лейтмотивный план культурных отражений вечного сюжета о творчестве и спасении.

Контекст, при всей субъективности его выбора, позволил внести дополнительные акценты в семантику мотива книги у Мережковского и обосновать *поэтику отражений как универсальный мотив в опыте литературных интерпретаций евангельского сюжета*. Кроме того, наглядной в контекстуальном изучении произведения Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный» становится картина, отображающая особое положение книги писателя в пространстве культурного дискурса: истории развития идеи жизнеописания Иисуса Христа.

В заключении подводятся основные итоги исследования, намечаются его перспективы.

По мнению диссертанта, углубленного изучения требует обозначенный в работе способ эстетического оформления материала посредством особой техники создания мотива («поэтика отражений»). Исследование пределов его универсальности в культуре – одна из возможных перспектив работы. Кроме того, именно уровень мотивной организации способен стать плоскостью для продуктивного описания феномена жанровой гибридизации в романе-эссе Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный».

Основные идеи диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Ситуация «большого диалога» в творческом сознании Ф.М.Достоевского («Идиот» – «Бесы») // Русская литература и философская мысль XIX-XX вв.: Сб. науч. трудов. Тюмень, 1993. 0,5 п.л.
2. Опыт исследования творчества Ф.М.Достоевского в книге Д.С.Мережковского «Л.Толстой и Достоевский» // Традиция: культура и образование: Сб. науч. трудов. Тюмень, 1995. 0,3 п.л.
3. Категории «монолог» и «диалог» в литературоведческом познании текста // Литература и критика в системе духовной культуры времени: Сб. науч. трудов. Тюмень, 1996. 0,5 п.л.
4. Поиски метода: Кн. Д.С.Мережковского «Иисус Неизвестный» и «исторический Иисус» Д.Штрауса и Э.Ренана // Культурологические проблемы развития региона. Сб. науч. трудов. Тюмень, 1999. 0,1 п.л.
5. «Классический период» в истории мотива как литературоведческой категории // Теория и экология разума: Сб. науч. трудов. Тюмень, 2000. 0,5 п.л.
6. Идея «Жизнь Иисуса» в письменной культуре // Теория и экология разума: Сб. науч. трудов. Тюмень, 2000. 0,5 п.л.

Соискатель**Н.А.Никулина**